

Актеры и роли

В. Будрейко—Мария Стюарт

Постановка «Мария Стюарт» в Новом театре в Ленинграде — интересное театральное явление. Можно, и даже следует, не соглашаться с целым рядом принципов этой постановки, с усечением отдельных сцен (сцена Мортимера с Марией — объяснение в любви, финальная сцена всей пьесы — спор Елизаветы с Девисоном по поводу приговора, финал 3-го акта, оборванный на сообщении Полета), с трактовкой образов Берлея, послдов, Лейстера, отчасти Мортимера, но режиссер и постановщик Н. Бромлей в этой работе показала главное: Марию Стюарт... Показала ее так, что из-за этого, как говорится, стоит ломать копья.

В трактовке пьесы также есть свои изъяны; стремление переделать кое-где Шиллера потерпело поражение. Шиллер постоял сам за себя и перетянул на свою сторону актеров, вопреки желанию постановщика. Что же дает нам право говорить об этом спектакле, как о значительном театральном явлении?

В роли Марии Стюарт родилась прекрасная трагическая актриса, сильная, увлекающая зрителя, владеющая всеми данными трагической актрисы: голосом, разнообразием и яркостью красок, музыкальностью, темпераментом, убежденностью, силой чувства, всем тем, что способно взволновать и покорить зрительный зал.

Классическую сцену этой пьесы, столь излюбленную и прославленную (3-й акт, встреча двух королей), В. Будрейко ведет так, что анализ ее следует записать так же подробно, как это записано знаменитой А. Ристори в ее мемуарах.

В рамках газетной статьи мы можем пересказать только свои общие впечатления, чтобы тем самым хоть как-то очертить рисунок роли, сделанный В. Будрейко.

Мария Стюарт в первом акте — это

«Мария Стюарт» в ленинградском Новом театре. На фото: артистка В. А. Будрейко в роли Марии Стюарт

уверенный в себе человек; ничто — ни неудачи, ни лишения — не способно поколебать ее духа... Она одинакова в разговоре и с Полетом, ее тюремщиком, и с сановником Берлеем. С первых сцен мы видим в ней не жертву, а борца. Она не играет узницу, не обыгрывает жалость. Она требует... Надежд на спасение как будто бы нет, она протестует против приговора не во имя защиты самой себя... Она ищет правого суда. Она хочет установить только справедливость. Приход Мортимера с письмом от Гизов ужасает ее своей авантюрой. Она отказывается, она гонит вестника, но, убежденная его словами, она видит в нем возможность,

случай снестись с Лейстером, возлюбленным королевы, с человеком, когда-то любившим ее... Это поступок женщины? И да, и нет.

«Ни сила не спасет меня, ни хитрость...»

Она понимает, что спасение ее только в руках Елизаветы, и только Лейстер — «единственный на свете» может повлиять на Елизавету. Будрейко играет это место в пьесе, как истинный противник Елизаветы. Это тактический прием. Это выбор наиболее верного средства.

Акт 3-й, сцена в саду... Воздух, небо, зеленые кусты, далекое море, рыбачий парус. Все это как будто впервые увидела Мария. Она еще не знает, что так близка ее встреча с Елизаветой. Ей кажется, что это только первый шаг свободы, пока еще ограниченной стенами замка, но свобода уже недалеко, она надеется, что Лейстер, ее верный заступник, настоит на своем... Все вокруг нее овеяно романтикой, воспоминаниями.

Опьяненная запахами земли и красками неба и моря, она превращается в девочку. Юность возвращается к ней. Она мечтает, она декламирует стихи. Что-то детское порой пробивается в ее резких движениях... Но вот звучат охотничьи трубы, приходит Полет с вестью о приезде королевы, и все меняется... 19 лет Мария ждала этой встречи... Эта долгожданная минута пришла слишком неожиданно. «О, почему вы раньше не сказали?». Мария увидает на наших глазах. Когда Толбот уговаривает ее покориться, она чувствует, что вокруг нее снова «толпятся духи ада». Нет смирения в ее сердце. Она, не надеясь на притворство, боится, что именно эта минута, о которой она молила, которую она ждала, превратится в ее гибель... Предчувствие не обмануло ее.

Правда, на одну секунду отчаяние овладевает ею:

«Душе не воспарить на смятых крыльях...»

Порадуйтесь, я только тень Марии».

Но следующая за этим сцена — это уже не упреки и не доводы, не сожаления, это буря, вдруг разразившаяся в саду...

Пятый акт, сцена перед казнью, полна торжественности, твердости и покоя.

Обо всем этом приходится писать очень общо и грубо, потому что нельзя указать на какие-то две-три находки, на какие-то отдельные, удачно сыгранные детали роли, потому что впечатляет вся роль целиком; вся она пластична, крепко соткана и не разрывается на куски, и обо всем следовало бы говорить подробно...

Надо отметить очень важное качество Будрейко: голос. Богатство его интонаций, обаяние, сила, искренность и правдивость невольно заставляют вспомнить свидетельства театральных мемуаристов о том, как владела своим голосом Ермолова или Комиссаржевская...

Среди театральных критиков идет спор — шиллеровская или не шиллеровская Мария Стюарт показана нам в этом спектакле?

Напрасный спор... Некоторые из критиков хотели бы видеть Марию Стюарт, как женщину-мученицу, трагическую жертву; им кажется, что новой Марии Стюарт не хватает этой женственности и жертвенности. Театральная традиция, вившая в образе Марии «лилию» Сен-Жерменского двора, погибающую в сетях Елизаветы, до сих пор довлеет над умами.

Но всегда ли это было и в традиции?.. Традиции бывают разные. Вспомним классическую исполнительницу этой роли — М. Н. Ермолову.

«Но подождите: через минуту эта жертва превратится в львицу... Неголующий вскрик вдруг потрясает залу театра, и кто из слышавших тот вскрик забудет его? И тотчас вслед за тем слова бешеного гнева, нарастая и нарастая, несутся, точно поток раскаленной лавы. Эта могучая стихия бушует...» (С. Кара-Мурза, Малый театр).

Возьмем другое свидетельство.

В очень интересном Бахрушинском издании, посвященном Ермоловой, есть любопытные замечания по этому же поводу... Это издание со статьями профессора Н. И. Стороженко, А. И. Южина, М. И. Лаврова и Н. Е. Ефроса выпущено было в 1905 г. только в 200 экземплярах.

Вот что пишется там о характере исполнения Ермоловой роли Марии Стюарт. Она «дала величавый образ королевы с гордым сердцем, с натурою трагической, с сильными, но облагороженными страстями». «Это был именно тот образец, какого хотел немецкий поэт, значительно разошедшийся с показаниями английской исторической науки, и это был именно шиллеровский образ».

Нет места в данной статье углубляться в спор — какова должна быть Мария... Да и незачем. Ристори в некоторых сценах играла ее иначе, чем Ермолова, но то, что делали они обе, — было великолепно. Это было праздником театра...

Они увлекали так же, как сейчас увлекает своей игрой Будрейко. Это — смелое сопоставление, может быть, слишком смелое... Но его следует произнести. Следует согнать с лица скептическую улыбку. Следует опытным и «бывалым людям» довериться молодому таланту так же просто и естественно, как доверяется наш зритель.

В этом спектакле театр победил тем, что показал сильную, трагическую актрису.

...Интересна судьба этой актрисы.

Четырнадцатилетней девочкой она поступает в Большой драматический театр. Работая «сотрудницей» этого театра, она одновременно учится у Н. И. Комаровской, В. В. Максимова и в 1921 году получает первую большую роль — Митиль в «Сиеней птине». Затем театр она совмещает с учебой в Институте сценических искусств (школа Л. С. Вильяна). В 1922 году В. А. Будрейко переезжает в Москву, где в Театре комедии (б. Корша) зарекомендовала себя, как комедийная актриса. Здесь, в Москве, у Н. М. Радина она учится мастерству диалога, здесь впервые она ощущает себя, как актриса, играя и крупные и мелкие роли. Играя с М. М. Блюменталь-Тамариной, она старается, через общение с ней, постичь то чувство вну-

тренней правды, убежденности в образе, которым так отличалась всегда покойная Мария Михайловна... После расформирования Театра комедии один год В. А. Будрейко провела у Мейерхольда, сыграв Варьку в «Мандате». В 1934 году Будрейко возвращается в Ленинград (Новый театр, Ирина — «Три сестры», Мирандолина — «Хозяйка гостиницы»). Роль Марии Стюарт является как бы итогом ее почти 20-летней работы в театре.

Осуществилось ее давнишнее желание — быть на сцене смелой, сильной и действенной.

Комедийная актриса вдруг стала актрисой трагической? Что за превращение?

В Марии Стюарт раскрылась такая сторона таланта Будрейко, о которой ранее, по собственному ее признанию, «она не смела и мечтать». Возможно, что в новой комедийной работе она покажет нам такое же мастерство и ту же силу исполнения, что и в «Марии Стюарт». Трудно гадать: что же является ее истинным призванием как актрисы? Но в одном мы можем быть уверены: советская сцена обогатилась еще одним именем, которым можно гордиться...

В жизни Будрейко наступил очень важный момент. Об этом следует серьезно подумать как ей, так и театру. Многого зависит от тех пьес, которые ей предстоит еще сыграть. Репертуар, требующий большого мастерства, определит ее дальнейшее развитие.

Пусть же ни театр, ни актриса не боятся всей сложности, всей трудности новой задачи, ибо «мастерство — дело рук человеческих...»

Мне хочется закончить словами А. Блока, сказанными им актерам Большого драматического театра в 1919 году:

«Надо больше думать, внимательнее прислушиваться к миру, учиться скромности, больше ходить перед событиями с непокрытой головой; тогда — остальное приложится; сама наша великая эпоха учит этому, открывая для нас, любящих искусство, ясный путь...»

НИКОЛАЙ НИКИТИН